

К ПРОБЛЕМЕ БАЗОВЫХ КОМПОНЕНТОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА

© 2013 г. А. В. Юревич

*Член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор,
заместитель директора Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Института психологии РАН, Москва*

Рассматривается понятие менталитета как одного из наиболее популярных в современной российской психологии: его эволюция, трактовки, основные особенности, соотношение с близкими терминами. Предпринимается попытка выделить базовые компоненты менталитета, к числу которых автор относит коллективные память, чувства, эмоции и настроения, нормы, ценности и отношения; а также социальные представления; язык; ментальные репрезентации культуры; стиль мышления и социального восприятия; поведенческие образцы; национальную идентичность.

Ключевые слова: национальный менталитет, ментальность, базовые компоненты, структура, национальная психология, базовая (модальная) личность, бессознательное.

ПОПУЛЯРНОЕ ПОНЯТИЕ

Понятие менталитета, особенно в словосочетании “российский менталитет” превращается, если уже не превратилось, в один из самых популярных терминов современной российской психологии и смежных с ней наук. В литературе подчеркивается, что “в конце XX в. в отечественной науке предметом широкого дискурса становится проблема менталитета” [6, с. 168], а исследование “российской ментальности, самосознания и самоосознания интеллигенции становятся одними из самых актуальных в последние десятилетия” [12, с. 46]. Авторами также отмечается, что “в последние пятнадцать лет в отечественных социальных науках нарастало использование термина “менталитет” в самой разнообразной трактовке” [27, с. 95], не требует доказательств и актуальность его изучения. “Влияя на отражение происходящего в мире и стране, менталитет является фактором построения интегрального образа реальности (картины мира) и, соответственно, регулятором поведения людей” [11, с. 22]. Высказывается мнение о том, что проблема менталитета, занимая центральное место в исторической психологии, в значительной степени определила ее становление [3, с. 298]. В научной литературе используются такие термины, как “парадигма ментальностей” [25] и т.п., а “менталистика” уже фигурирует в качестве самостоятельной исследовательской области [2].

Вместе с тем отмечается, что в отечественной науке дореволюционного периода данный термин не использовался, а для характеристики менталитета предпочитались другие, идентичные по содержанию: “национальный, народный характер”, “психический склад нации”, “дух народа” и др. [3]. Само понятие появилось в отечественной психологии сравнительно недавно, в 1990-е гг. Однако в таких отраслях российской науки, как история, этнография, география, систематическая разработка этой проблемы началась намного раньше, в XIX веке, хотя использовались другие термины [там же].

Корни понятия “менталитет” усматриваются в работах Ш. Монтескье, Ж.Б. Вико, И. Гердера, Г.В.Ф. Гегеля, Дж. Локка, Ф. Бекона и др. [13]. Систематическое же исследование проблемы ментальности принято связывать со школой “Анналов”, сложившейся во Франции в 20–30-е годы прошлого века под знаменем так называемой “Новой истории”, представленной именами М. Блока, Л. Февра и др. [6]. Но первым, по-видимому, его ввел Л. Леви-Брюль в своей книге “Первобытный менталитет”, увидевшей свет в 1921 г.

Ю.В. Буянова выделяет три этапа в развитии понятия “менталитет”. На первом этапе оно латентно вызревает в исследованиях, по существу посвященных его изучению, но использующих другие термины: “психика народа”, “дух народа”, “этническое сознание” и др. На втором этапе происходит его выделение в школе “Анналов”.

На третьем – начинается использование данного термина такими науками, как психология, социология и этнология, что “отражает тенденцию современного знания к интеграции и междисциплинарному исследованию психологии народа” [6, с. 170].

Широкое обращение отечественной науки к проблеме менталитета связывается с “необходимостью изучения и предупреждения межнациональных конфликтов” [там же, с. 168], а появление самого этого понятия является определенным этапом самосознания и самоутверждения нации [26]. Ю.В. Буянова утверждает, что “в годы тоталитаризма употребление данного термина в научных публикациях было невозможным” [6, с. 169], оставляя эту очень важную констатацию без объяснения. Г.В. Акопов с коллегами связывает растущую популярность “менталистики” с переходом нашей страны к демократии, рыночной экономике, с ее переориентацией в “ментальной дихотомии” Запад–Восток и т.п. [2]. Еще чаще она объясняется тем, что отечественные реформы, осуществляемые по западным сценариям, в наших условиях дают неожиданные и преимущественно негативные результаты, поскольку не учитывают особенности российского менталитета [27], и т.п. Подобные утверждения о том, что “процесс реформирования не был приспособлен к самобытности России, к особенностям национальной психики” [12, с. 21], регулярно воспроизводятся со времен реформ Петра I и звучат уже не одно столетие [там же].

Так или иначе, понятие “менталитет” оказалось не только очень востребованным современной российской реальностью, но и по-своему очень удобным для объяснения происходящего, обнаружив свой незаурядный потенциал в выполнении как объяснительных, так и идеологических и прочих функций (например, оправдание нашей неспособности жить по западным образцам и т.п.).

Существует ряд тенденций, характерных для использования данного понятия по сей день. Во-первых, особенностям российского менталитета, которым посвящали хорошо известные произведения отечественные мыслители еще прошлого века, в частности, пассажиры “корабля философов”¹, уделяется куда большее внимание,

чем самому понятию “менталитет”, которое остается очень аморфным, плохо определенным и “малоконсонантным” – по-разному понимаемым и наполняемым разным смыслом различными исследователями. Во-вторых, оно используется как практически синонимичное таким понятиям, как “дух народа” и “национальный дух” (этим понятиями оперировал В. Вундт), “национальная психология”, “национальный характер”, “психологические особенности народа”, “базовая личность”, “модальная личность”, “этническое бессознательное”, “коллективная душа”, “народное сознание” (и бессознательное), “национальное самосознание”, “национальный склад ума”² и т.п., и остается непроясненным, имеются ли между ними какие-либо, кроме чисто языковых, различия. В-третьих, отсутствуют сколь-либо удовлетворительные попытки структурировать менталитет, выделить его основные компоненты, четко определить, что именно это понятие включает.

Можно проследить и эволюцию исследовательских интересов в системе подобных, имеющих между собой много общего, понятий. Например, такого, как понятие «национальный характер», которое доминировало сначала в соответствующей литературе. Затем произошло его изгнание “из психологии и замена интегрального понятия “характер” понятием “личностных черт” или просто понятием “личность”» [23, с. 180]. Однако, как отмечает Т.Г. Стефаненко, «в последнее время и понятие “национальный характер” вслед за понятиями базовой и модальной личности покидает страницы психологической и культурно-антропологической литературы. Ему на смену для обозначения психологических особенностей этнических общностей приходит понятие “ментальность”» [31, с. 139]. В общем, можно констатировать, что понятие “ментальность” или “менталитет” оказалось “лучше” других понятий, имеющих сходную предметную область, и одолело их в своего рода конкурентной борьбе, очевидно, имея перед ними ряд преимуществ³. Более того, по мнению Т.Г. Стефаненко, “с первых шагов становления этнопсихологии крупнейшие ее представители изучали именно ментальность, хотя и под другими названиями” [там же, с. 140]. В качестве исследователей, оперировавших ана-

¹ Как отмечают М.С. Гусельцева и др., «исследование и описание “русского характера и русской души” стало одной из самых актуальных проблем, которой уделили внимание практически все ученые XIX–XX вв.» [12, с. 23]. “Нет практически ни одного крупного психолога, философа, юриста, историка, который бы в том или ином контексте не касался этой проблемы” [там же, с. 45].

² Используются и более экзотические понятия, такие как “коллективная психосфера”, “групповые поля сознания”, “ноогенные матрицы”, “эгрегорические структуры” [см.: 11 и др.].

³ Несмотря на то, что “некоторые авторы, рассматривающие этносы как социально-экономические единицы, отрицают саму возможность выделения их ментальностей – стабильных систем представлений” [31, с. 140].

логами этого понятия, Т.Г. Стефаненко называет В. Вундта, Ф. Хсю, Г.Г. Шпета, Л. Леви-Брюля, Г. Триандиса [там же].

ТРУДНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕНТАЛИТЕТА

По мнению многих авторов, обращающихся к проблеме менталитета, «можно сделать вывод, что удовлетворительного определения понятия “менталитет” пока не существует» [21, с. 45], а “наше знание о психологической природе и механизмах формирования менталитета народов, субкультур, социальных групп и т.д. еще крайне ограничено” [11, с. 22]. Один из представителей школы “Анналов” Ж. Дюби отмечает как многоплановость, так и невозможность однозначно перевода базового франкоязычного термина, означающего одновременно и “умонастроение”, и “мыслительную установку”, и “коллективные представления”, и “воображение”, и “склад ума”, и “видение мира” (см. [6]). Участники прошедших в нашей стране конференций (“Менталитет и аграрное развитие России”, 1996; “Менталитет и культура предпринимателей России”, 1996 и др.) тоже отмечают терминологическую неопределенность понятий “менталитет” и “ментальность” [6]. Любопытно, что в этом иногда видится и их достоинство. Как пишет Т.Г. Стефаненко, “многие современные исследователи усматривают в недоформализованности термина “ментальность” достоинство, позволяющее использовать его в широком диапазоне и соединять психологический анализ и гуманитарные рассуждения о человеке. Именно таким эклектичным способом чаще всего исследуют ментальность этнических общностей, практически сводя ее к национальному характеру, психологи и этнологи во многих странах мира” [31, с. 141]. Недоопределенность понятия “менталитет” содействует расширению области его значений, а также отделению от его этнических корней. Так, сейчас принято говорить не только о менталитете народов, но и о менталитете различных социальных групп вне какого-либо этнического контекста.

Необходимо обозначить и ряд объективных трудностей, препятствующих выработке строгого определения понятия “менталитет” и очерчиванию области его значений.

1. Историчность менталитетов, их изменчивость во времени и зависимость от трансформаций общества (что не опровергает обратной зависимости – изменений общества от ментальных особенностей народов). Так, например, измене-

ния российского менталитета в последние годы обуславливают доходящие до жарких идеологических споров разногласия относительно того, какие черты ему все еще свойственны, а какие – уже нет.

Скажем, авторы проведенного в 2008 г. исследования констатируют: «Сравнение России с другими европейскими странами явно свидетельствует, что у сегодняшнего среднего россиянина крайне слабо выражены надличные ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним, а также с заботой об окружающей среде, и, наоборот, крайне высока значимость противостоящих им “эгоистических ценностей”» (цит. по: [24, с. 457–458]). По их данным, “средний россиянин сильнее, чем жители большинства других включенных в исследование европейских стран, стремится к богатству и власти, а также к личному успеху и социальному признанию” [там же, с. 458]. Естественно, подобная характеристика нашего менталитета, сильно противоречащая стереотипным представлениям о нем, вызвала крайне негативную реакцию [там же].

Классики исследований национального характера акцентировали *устойчивость* его основоопределяющих черт. Л. Леви-Брюль писал: “Какими бы значительными ни были внешние изменения в образе жизни, менталитет остается прежним, потому что продолжают сохраняться основные институты группы” [19, с. 332]. Из этого высказывания остается, правда, неясным, что происходит с менталитетом в том случае, когда изменяются “основные институты группы”. И.А. Сикорский пытался доказать, что русским людям его времени присущи те же черты, которые отличали их далеких предков 1000 лет назад [3]. Он подчеркивал, что одной из таких черт является религиозная и национальная терпимость [там же], в существование которой в современной России уже трудно поверить. Еще более любопытным примером служит выделение И.А. Сикорским такой инвариантной черты русского национального характера, как нравственное самосохранение, проявляющееся, в частности, в оберегании себя от таких зол, как самоубийства и преступления. В подтверждение он приводит статистические данные о количестве самоубийств на 1 млн. чел. в 1818 г.: Саксония – 311, Франция – 210, Пруссия – 133, Австрия – 130, Бавария – 90, Англия – 66, Россия – 30 [там же]. Спустя 200 лет наша страна оказалась одним из мировых лидеров по количеству самоубийств, убийств и других видов преступлений на 100 тыс. жителей [15]. Это, естественно, ни в коей мере не опровергает выводов И.А. Сикорского, но де-

монстрирует, что некоторые черты национального менталитета могут обладать *потенциальной* изменчивостью и, оставаясь неизменными в течение тысячи лет, способны радикально измениться в последующем. Во всяком случае, то, что не удалось татаро-монголам и большевикам, оказалось вполне под силу нашим либерал-реформаторам.

Некоторые особенности менталитета могут быть в большей степени свойственны определенным эпохам, чем народам. Например, такие описываемые Н.А. Бердяевым черты российского менталитета, как “нигилизм и апокалиптика”, т. е. перманентные отрицание прошлого и мечтательность о будущем [5], как отмечают различные исследователи, в не меньшей мере свойственны французам эпохи Французской революции и вообще народам, переживающим революционные периоды.

2. Наличие в составе любого народа различных этнических групп, менталитеты которых подчас различаются очень существенно. Например, когда речь идет о российском менталитете, “понятно, что не надо забывать и о других конфессиональных менталитетах, прежде всего, российско-исламском, втором по распространенности среди религиозных менталитетов России” [27, с. 96]. Народы, живущие в разных государствах, могут иметь более родственные менталитеты, чем граждане одной страны. Скажем, близость менталитетов русских, украинцев и белорусов показана во многих исследованиях [18] и выглядит настолько естественной, что вряд ли нуждается в комментариях⁴.

3. Сосуществование в рамках национальных менталитетов различных личностных и социальных типов, которым свойственны более частные менталитеты⁵. Это побудило В.Е. Семенова ввести понятие *полиментальности* как более отвечающее многокомпонентной реальности, нежели неизбежно нивелирующее индивидуальные особенности представление об относительно едином для нации менталитете. В частности, в современном российском обществе В.Е. Семенов выделяет четыре основных типа менталитета: 1) российско-православный, 2) коллективистско-социалистический, 3) индивидуалистско-капиталистический, 4) криминально-групповой, – к которым добав-

ляет пятый – мозаично-эkleктический, называя его “псевдоменталитетом” [27]. Характеристика этих менталитетов выделившим их автором не оставляет сомнений в том, что психологические различия между их носителями не меньшие, чем между представителями разных народов, причем не самых близких, а то и рас.

Выявлены и различия в ментальности социальных групп. Так, К.А. Абульханова показывает, что предпринимателям свойственно преимущественно субъект-объектное сознание, а интеллигенции – субъект-субъектное [1].

Выделены также такие виды российской ментальности, как провинциальная, которой уже был посвящен ряд конференций, и ее более частные виды, например, поволжская ментальность [2].

К идее полиментальности близка выдвинутая этнологами идея мультимодальных обществ, согласно которой “каждый народ представлен не одной модальной личностью⁶, а несколькими, переходными формами между ними” [31, с. 64]. Е.А. Тимофеева подчеркивает, что “каждый народ, нация, этнос или любая другая общность складывается из отдельных личностей, поэтому при рассмотрении проблем национального менталитета необходимо учитывать, что и национальный менталитет включает в себя индивидуальные менталитеты отдельных личностей, принадлежащих к той или иной нации, или же относящих себя к ней” [32, с. 554].

Из всего этого неизбежно вытекает *мозаичность* менталитетов как народов, так и конкретных личностей. Так, например, менталитет любого конкретного россиянина содержит в себе ключевые характеристики: а) российского менталитета в целом, б) менталитета той конкретной нации, к которой он принадлежит, в) менталитета жителей региона, где он проживает, г) менталитета городского или сельского жителя, д) менталитета жителей конкретного города – Москвы, Санкт-Петербурга, Томска и др. – или села, е) менталитета той (тех) социальной группы, к которой (которым) он относится, ж) менталитета представителя мужского или женского пола и т.п.

4. Релятивность характеристик национальных менталитетов, их зависимость от идеологических позиций авторов таких характеристик и отноше-

⁴ Имеются и исследования, демонстрирующие различия этих менталитетов, например, исследование И.А. Сикорского [29]. Вместе с тем возможна и политическая подоплека подобных исследований: когда мы жили в одной стране, мы обращали внимание на наши различия, когда стали разными государствами, заговорили о своем сходстве.

⁵ Подобная идея получает продолжение в представлении о том, что и в рамках отдельной личности могут сосуществовать разные менталитеты, что, по мнению некоторых исследователей, вообще “хоронит” данное понятие.

⁶ С. Лурье характеризует модальную личность как типовую для данного общества [21]. Т.Г. Стефаненко уточняет, что модальная личность – «это не “средняя” личность, а чаще всего встречающаяся. Иными словами, использование понятия модальной личности не предполагает, что все или даже большинство членов общности имеют одну и ту же личностную структуру» [31, с. 63].

ния к носителям данных менталитетов, а также от перцептивных позиций и исходных точек отсчета. Исследование, проведенное в Венесуэле, продемонстрировало, что жители этой страны воспринимают русских как амбициозных, материалистичных, трудолюбивых, хитрых, религиозных и не внушающих доверия, а народом, наиболее близким им по психологическому складу, считают ... китайцев [36]. Восприятие наших сограждан жителями тех стран, куда мы сейчас наиболее часто ездим отдыхать, формируется на основе особенностей поведения российских туристов и тоже, как правило, сильно отличается от традиционных образов российского национального характера. А его описание самими россиянами обнаруживает очевидную связь с тем, к какой идеологической категории, например, к западникам или славянофилам, либералам или патриотам и т.п. они принадлежат.

Например, Е.Г. Синякина отмечает в “психологическом портрете” русского крестьянина дореволюционного периода следующие качества: “трудолюбие; умение терпеливо и достойно переносить трудности, сила воли и мужество в их преодолении; глубокая религиозность и одновременно тяга к просвещению; широта русской души; соборность; милосердие и сострадание к ближнему; музыкальность и поэтичность; неразрывная связь с землей; гостеприимство, толерантность, терпение, независимость, честность; чувство собственного достоинства” [30, с. 603]. Легко видеть, что в этом списке представлены только положительные качества, а негативные черты у русского дореволюционного крестьянства либо вообще отсутствовали, либо они имелись, но автор избегает их описания. Исключительно в позитивном свете выглядит и купеческая ментальность, в частности, то, что “благотворительность и меценатство, внедрение технологических и организационных инноваций в конце XIX – начале XX в. становятся основами и отличительными чертами московского купечества, их своеобразной визитной карточкой” [4, с. 461].

Иногда, напротив, акцентируются преимущественно негативные качества⁷ российского менталитета, такие как нелогичность, несистематичность и утопичность мышления, импульсивность, лень и неумение постоянно и организованно трудиться, склонность к самоуничтожению, неаккуратность, неряшливость, стремление сделать все побыстрее и “спустя рукава”, максимализм, нетерпимость, фанатизм, низкий уровень быта, неумение его организовать и т. д. [12]. При по-

стоянно подчеркиваемой противоречивости российского менталитета, сосуществования в нем как положительных, так и отрицательных качеств, а также типичности попыток представить положительные качества как “продолжение” отрицательных или наоборот [там же], вопрос о том, какой его образ – позитивный или негативный – более соответствует действительности, по-видимому, вообще лишен смысла, поскольку все определяется фокусом анализа. Вместе с тем необходимо подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, едва ли интерес к проблеме особенностей российского менталитета был бы столь велик и постоянен, если бы с этим менталитетом все было благополучно, и он характеризовался бы только положительными качествами. Во-вторых, преобладает *прагматический* ракурс, в котором эта проблема рассматривалась с первых шагов ее изучения – направленность исследований на выявление тех наших черт, которые препятствуют нормальному развитию России и от которых нам, по возможности, следует избавляться [там же].

Подобные обстоятельства во многом размывают понятие менталитета, а подчас и порождают представления об эфемерности соответствующей реальности. Например, помощник бывшего президента России Г. Сатаров на одном из семинаров, посвященных российскому менталитету, высказал точку зрения о том, что менталитетов вообще не существует, однако соответствующее понятие бесполезно, как полезны физические понятия, описывающие реальность, которую нельзя зафиксировать. Другим закономерным результатом размывания базового понятия в результате сосуществования в любом обществе различных видов ментальности является использование категории “доминирующая ментальность” (по существу, эквивалентной понятию модальной личности, широко распространенному в психологии) и других подобных категорий, позволяющих одновременно и сохранить идею психологической общности любого народа, и учесть сосуществование в ее рамках большого количества индивидуальных и групповых различий.

ТРАКТОВКИ МЕНТАЛИТЕТА

Несмотря на подобные, вполне объективные, трудности в определении понятия “менталитет”, в его характеристиках (правда, не претендующих на статус четкого и однозначного определения, а скорее задающих некоторую нестрогую очерченную область понимания данного явления) нет недостатка. Исследователи пишут о том, что “менталитет – это нематериализуемая составляющая

⁷ Иногда одновременно перечисляются как позитивные, так и негативные качества [см., например, 24].

традиции” [20, с. 44]; “совокупность сознательных и бессознательных⁸ установок, сопряженных с этнической традицией” [там же, с. 45]; “совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений” [31, с. 89]; “некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели” [там же, с. 45]; “направленность и склад мышления личности и социальной группы” [32, с. 554]; “исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении” [27, с. 95]; “некое социально-психологическое образование, присущее этносу, нации, народу, стране” [там же, с. 95]; система взаимосвязанных образов, включая неосознанные, которые лежат в основе коллективных представлений о мире [10]; специфика психической жизни людей, детерминированная экономическими и политическими условиями [16]. Французские же историки, принадлежавшие к школе “Анналов” и выступившие инициаторами введения понятия “ментальность” в научный оборот, считали, что это “система образов, ... которые ... лежат в основе человеческих представлений о мире и своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей” (цит. по: [31, с. 140]). Т.Г. Стефаненко подчеркивает: “При таком понимании ментальности трудно переводимое на иностранные языки французское слово *mentalite* ближе всего оказывается к русскому слову *миропонимание*, характеризующему общественные формации, эпохи или этнические общности” [там же, с. 140]⁹. Вместе с тем, по мнению В.А. Шкуратова, во французском языке это слово весьма многозначно, обозначая не только мышление, но также умонастроение, мыслительную установку, воображение и склад ума [34].

Предпринимаются и попытки *структурировать* менталитет, выделив его основные составляющие. Например, утверждается, что структуру менталитета образуют “картина мира” и “кодекс поведения” [33]. Представители вышеупомянутой школы “Анналов” подчеркивали, что ментальность представляет собой не набор характери-

стик, а *систему* взаимосвязанных представлений, регулирующих поведение членов социальной группы [31]. С.В. Лурье выделяет “центральную зону” ментальности, включающую локализации источников добра, Мы-образ и образ покровителя; локализации образа зла – образа врага; представления о способе действий, при котором добро побеждает зло [20]. Таким образом, в “центре” ментальности оказываются нравственные категории. Духовно-нравственные смыслы, символы мифологического, мистического и религиозного содержания считает важным компонентом ментальности и А.А. Гостев [11], видя в основаниях “метафизики коллективного бессознательного” *главную опору* менталитета [там же, с. 24]. При трактовке понятий “менталитет” и “ментальность” как синонимов, “под ментальностью понимается глубинный пласт общественного сознания, совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом” [24, с. 385]. При этом отмечается, что ментальность “консолидирует народ на основе общих ценностей, моделей поведения, традиций, жизненного уклада, культуры и заложена, если не сказать запрограммирована, на уровне сознания – как индивидуального, так и массового” [там же, с. 385]. “Комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций, обозначаемых емким термином “ментальность”, позволяет достигать более адекватного познания умонастроения масс в конкретную эпоху, поведения различных слоев, этносов, их представлений о себе, своей культуре, особенностях своего исторического развития”, а “базовыми характеристиками менталитета выступают коллективность, неосознанность или неполная осознанность, устойчивость” [там же, с. 386]¹⁰. Выделяются и такие структурные составляющие менталитета, как “национальная идея” и “национальный прототип” (как образ положительного национального героя) [10].

Приведенные утверждения хорошо иллюстрируют отмеченные выше особенности использования понятия “менталитет”. Во-первых, его неотграниченность от близких понятий. В частности,

⁸ Б.Ф. Сикорский не только подчеркивал, что основные черты характера народа заложены на бессознательном уровне, но и утверждал, что область бессознательного занимает особое место в душе русского народа [28].

⁹ В то же время Т. Г. Стефаненко подчеркивает, что представители школы “Анналов” предпочли эту категорию “коллективным представлениям”, “коллективному бессознательному” и другим более или менее близким понятиям [там же].

¹⁰ Отметим, что похожие составляющие обычно выделяются и в структуре реальных, выражаемых родственными понятию менталитета категориями, при этом разные исследователи делают акцент на разных компонентах. Например, как отмечает Т.Г. Стефаненко, “говоря о национальном характере, одни авторы подразумевали прежде всего темперамент, другие обращали внимание на личностные черты, третьи на ценностные ориентации, отношение к власти, труду и т.д.” [31, с. 136].

авторы приведенных цитат переходят от понятия “менталитет” к понятию “ментальность” так, как будто они эквивалентны. Во-вторых, неопределенность его наполнения: одни и те же авторы в качестве составляющих менталитета/ментальности указывают то одни, то другие элементы. В-третьих, неопределенность его “локализации”, в частности, отнесение менталитета то к уровню сознания, то к уровню бессознательного, то к обоим этим уровням одновременно, а также очень произвольное оперирование этими категориями историками и этнографами. В-четвертых, объяснительная полифункциональность данного понятия, тенденция объяснять на его основе практически все, относящееся к нации и ее истории.

БАЗОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ МЕНТАЛИТЕТА

Если менталитет, в его наиболее широком понимании, представляет собой совокупность психологических качеств, отличающих данный народ от других народов, то естественно предположить, что практически отсутствуют психологические элементы, которые не входили бы в структуру менталитета, – в противном случае пришлось бы признать полную тождественность некоторых психологических характеристик разных народов. Иными словами, *любой* психический элемент, относимый к уровню психологии народов, всегда в какой-то степени специфичен для данного народа и, соответственно, является составным элементом его менталитета.

Вместе с тем реализация данного, вроде бы достаточно очевидного, утверждения, ведет к практически бесконечному количеству элементов менталитета и размыванию этого понятия. Поэтому целесообразно выделить как минимум набор *базовых компонентов* национального менталитета, составляющих его *ядерный слой*. Представляется, что к их числу относимы, в первую очередь: 1) коллективная память, 2) социальные представления, 3) закрепляющие их коллективные эмоции, 4) коллективные нормы, ценности и отношения, 5) язык, 6) ментальные репрезентации культуры, 7) стиль мышления (и социального восприятия), 8) поведенческие образцы, 9) национальная идентичность.

Прежде всего, отметим, что некоторые из обозначенных элементов традиционно включаются в структуру менталитета, многократно описаны в этом качестве и едва ли нуждаются в дополнительных уточнениях. Таковы, например, социальные представления и закрепляющие их коллективные эмоции, а также стили мышления, ценности и др.

Напомним, что менталитет часто характеризуется как “совокупность эмоционально окрашенных социальных представлений” [31, с. 89]; “некий всегда неосознаваемый и устойчивый пласт психики, который включает в себя определенные мыслительные модели” [там же, с. 45]; “исторически сложившееся групповое долговременное умонастроение, единство (сплав) сознательных и неосознанных ценностей, норм, установок в их когнитивном, эмоциональном и поведенческом выражении” [27]; умонастроение, мыслительная установка, воображение и склад ума [34]; “кодекс поведения” [33]; знания и верования, составляющие в совокупности представления о мире [16]; совокупность коллективных представлений, имплицитно содержащихся в сознании ценностей, моделей поведения и стереотипных реакций, характерных для общности в целом [24]; общие ценности, модели поведения, традиции, жизненный уклад [там же, с. 385]; комплекс глубинных скрытых установок, представлений, ценностных ориентаций [там же, с. 386].

В приведенных выше определениях и соответствующих “наполнениях” понятия “менталитет” некоторые его составляющие, если вынести за скобки терминологические различия в их обозначениях, выглядят достаточно инвариантными. Таковыми являются: 1) когнитивные компоненты менталитета – социальные представления¹¹, сознательные и бессознательные установки, умонастроения, образы, картина мира, воображение, склад ума и т.п.; 2) его аффективные и нормативно-ценностные компоненты, придающие когнитивным составляющим эмоциональную окраску и закрепление; 3) модели поведения, стереотипные реакции, традиции, жизненный уклад и т. д. При этом в структуре менталитета нетрудно разглядеть три основных компонента социальных установок – когнитивный, эмоциональный и поведенческий¹², с тем очевидным отличием от социальных установок, что *каждый* из соответствующих компонентов менталитета в свою очередь включает социальные установки в единстве их трех компонентов (по этой причине сами социальные установки нецелесообразно выделять в качестве самостоятельного компонента ментали-

¹¹ В эти представления, видимо, следует включить и коллективное трансцендентное – религиозные и прочие представления о мире, жизни и смерти и т.п., а также соответствующие образы, составляющие важную часть “архетипов” коллективного бессознательного (и сознания).

¹² Вообще эту структуру, по-видимому, можно считать достаточно универсальной, характерной не только для установок, но и для других социально-психологических феноменов.

тета), т. е. в нем происходит своего рода удвоение этой трехкомпонентности.

Вместе с тем описание ядерной части менталитета требует расширения приведенной схемы и уточнения ее базовых компонентов. Можно согласиться с А.А. Гостевым в том, что “исследуя проблему менталитета, следует искать дополнительные понятия, закономерности, не освоенные психологией” [11, с. 24], а также другими науками. Прежде всего, одним из базовых компонентов менталитета можно считать *коллективную память*. В терминах автора этого понятия М. Хальвбакса, коллективные воспоминания intersubъектной природы [37] репрезентируют в менталитете народа его коллективное прошлое и в значительной мере эмоционально окрашены, а по словам Дж. Ассмана, не просто воспроизводятся в настоящем, но и во многом определяют его [35]. “Анализируя нарративы коллективной памяти, мы понимаем, кем мы являемся сегодня”, – пишет Дж. Верч¹³ [7, с. 37].

Коллективная память тоже очень идеологизирована, содержит не только воспоминания о реальных событиях, но и “легенды” памяти, подвержена влиянию различных защитных механизмов, таких, как вытеснение событий и их искажение, а “эмоциональный заряд некоторых воспоминаний настолько силен, что их можно считать основой психологического единства нации” [17, с. 28]. Как подчеркивает Т.П. Емельянова, представленное в виде коллективной памяти “прошлое бытует в менталитете общества” [там же, с. 28], являясь его важным слагаемым.

Вообще следует отметить, что каждый народ “маркирует” свою историю наиболее значимыми событиями, которые и занимают наиболее заметное место в его коллективной памяти. В нашей коллективной памяти такими событиями являются татаро-монгольское иго, “прорубание окна в Европу”, различные войны, особенно отечественные, революция 1917 г. и т.п. И, собственно говоря, выражение “знать историю” означает знание именно этих событий – ее *дискретных*, “клиповых” фрагментов, времени, когда эти события произошли, и основных сопутствующих им обстоятельств, а не всей той *непрерывной* жизни общества, которая образует реальную историю.

¹³ Он же отмечает, что “число определений коллективной памяти соответствует числу ее исследователей” [там же, с. 33]. При этом часто упоминаются близкие, а иногда и синонимичные понятия – “общественная память”, “привычная память” [там же], “социальная память” и др.

Роль культурогенетической, или “культурной памяти”, представляющей собой “исторические записи” – в виде народных обычаев, традиций, обрядов, суеверий и т. д. – акцентирует также А.А. Гостев, обращающий внимание на такой психологический феномен, как “коллективные сновидения” [11, с. 24].

К числу основных компонентов национального менталитета явно стоит отнести и *язык* в его собственном психологическом выражении. Согласно А.А. Потебне, народность – это скорее ощущение общности, народного единства в смысле “общения мысли, устанавливаемого единством языка” (цит. по: [12, с. 16]). В мышлении и языке видел основу национальной психологии также Д.Н. Овсяннико-Куликовский, аргументируя его роль тем, что до усвоения родного языка ребенок не обладает национальными психологическими признаками [там же]. Роль языка, а также мифов и обычаев в качестве основных элементов “национального духа” рассматривал и В. Вундт, писавший: “Язык содержит в себе общую форму живущих в духе народа представлений и законы их связи” [9, с. 220]. Действительно, значение языка в качестве одновременно составляющей, выразителя и детерминанты национального менталитета, акцентированное многими авторами, трудно переоценить. Закономерно, что “в понятие “народной души” (одно из родственных понятию менталитета – *А.Ю.*) часто включали язык, являющийся родным для представителей данной нации” [12, с. 15]. При этом существенно, что речь идет не столько о реальном использовании языка, сколько о его символической роли в формировании чувства общности с группой [14].

Показательно, что программы нивелирования особенностей российского менталитета, выдвигаемые некоторыми российскими (псевдо)либералами, предполагают радикальное изменение системы языкового воспитания наших сограждан, основанное на первоочередном изучении не русского, а английского – как не просто иностранного, а международного языка.

В ядерную часть менталитета следует включить и *ментальные репрезентации всех основных элементов национальной культуры* – от народных сказок до наиболее значимых для народа литературных произведений, памятников архитектуры и т.п. [22]. Символично, причем во многих отношениях, что если во французской, проистекавшей из школы “Анналов”, а также во многом основанной на ней российской традиции ключевым для характеристики психологических особенностей наций стало понятие менталитета, то в германской

традиции – понятие культуры, что выражает теснейшую взаимосвязь между этими категориями. В то же время в силу наличия в культуре не только ментальной, но и материальной составляющей имеет смысл относить к менталитету именно *ментальную* составляющую культуры, что выглядит достаточно тавтологично. При этом, поскольку любое общество мультикультурально, представляет собой сочетание культур различных этнических и социальных групп, то и соответствующий компонент национального менталитета тоже имеет многосоставной характер.

К ядерным составляющим менталитета, естественно, следует добавить и *национальную идентичность*, т.е. чувство принадлежности к соответствующему народу – носителю данного менталитета, а значит, и обладания им. В результате, как пишет Е.А. Тимофеева, “можно констатировать наличие неразрывной связи и взаимного влияния этнической самоидентификации личности и национального менталитета” [32, с. 556], с тем уточнением, что речь идет о связи и взаимовлиянии частей одного целого. Показательно и то, насколько противоречива эта идентичность, подчас принимающая негативный характер. Например, в трудах многих российских философов, таких как Н.А. Бердяев, “принятие на себя” основных особенностей российского менталитета, идентификация с ними сочетается с негативным отношением к ним и установкой на их преодоление. Вместе с тем национальная идентичность является в определенном смысле узловым компонентом национального менталитета, результирующим его другие базовые составляющие, что отображено на рисунке.

Следует подчеркнуть, что каждый из описанных ядерных элементов менталитета имеет процессуальную и относительно статичную составляющие. Например, мышление представлено в нем и как определенные мыслительные установки, характерные для данного менталитета, например, типовые схемы причинного объяснения социальных событий (каузальной атрибуции), и как процесс, характеризующийся определенными динамическими (например, доказано, что представители одних народов принимают решения в целом быстрее, чем других) и структурными (типовая “логика”, точнее, “психологика” и т.п.) свойствами. То же самое можно сказать о коллективной памяти, которая включает одновременно и хранимые в ней образы, и процесс оперирования ими (в том числе определенные защитные механизмы их искажения), и о других слагаемых менталитета.

Рис. Базовые компоненты национального менталитета.

Естественно, базовые составляющие менталитета несут на себе печать его отмеченных выше общих качеств, таких как интериндивидуальная и временная *изменчивость* и др. Например, коллективная память, являясь одной из ядерных слагаемых менталитета нации, основ ее идентичности и психологической консолидации, как и менталитет в целом, достаточно изменчива и противоречива. Некоторые ее элементы блекнут, а то и вообще стираются со временем. Например, полет Юрия Гагарина был значимой составляющей коллективной памяти и предметом общей гордости советских людей, а значительная часть современной российской молодежи не знает, кто был первым в мире космонавтом. Одни и те же события, такие, как Октябрьская революция и Гражданская война, по-разному “вспоминаются” и вызывают совершенно разные эмоции у различных слоев населения. В то же время отсутствие как оценочного, так и когнитивного консенсуса по поводу элементов коллективной памяти не вычеркивает их из нее, а подчас, напротив, делает более эмоционально “разогретой” и значимой ее частью. А изменчивость подобных слагаемых менталитета не лишает их инвариантной составляющей: очевидно, что в нашей истории есть события, которые мы будем помнить всегда, вне зависимости от изменения идеологической и политической конъюнктуры.

Вообще же, по всей видимости, существуют как более устойчивые компоненты национального менталитета, мало зависящие от исторических обстоятельств, так и его более гибкие элементы, в большей степени подвластные их влиянию.

Очевидно и глубокое *взаимопроникновение* основных составляющих менталитета, возможность их отделения друг от друга лишь в абстракции. Например, коллективные представления служат основой коллективной памяти и наоборот, коллективные эмоции и присутствуют в коллективной памяти, и создают эмоциональный фон коллективных представлений, а национальный стиль мышления пронизывает все основные компоненты менталитета и сам базируется на них.

Возможно, к проблеме выделения базовых компонентов менталитета имеет смысл подойти и с “обратной” стороны, рассмотрев вопрос о том, какие специфические элементы национальной психологии *не следует* включать в их состав, дабы не превратить соответствующее понятие в своего рода “резиновое”, не имеющее концептуальных границ. В связи с этим имеет смысл обозначить два основных ограничения, препятствующих его чрезмерному расширению.

1. Включение в понятие “менталитет” слишком частных психологических характеристик, которые фактически входят в состав других, более общих. Например, хорошо известная большая пунктуальность одних народов (классический стереотип – немцы) и меньшая других (в основном южных), или такие выявляемые в психологических исследованиях характеристики, как различный размер “зоны тела”¹⁴ и т.п., являются реальными и достаточно значимыми особенностями национального менталитета. Вместе с тем их вполне можно отнести к его поведенческой составляющей, не выделяя ту или иную из них в качестве его самостоятельного компонента, равно как и такие национальные черты, как отраженные нашим кинематографом “Особенности национальной рыбалки”, “Особенности национальной охоты”, “Особенности национальной политики” и т.п.

2. К базовым составляющим менталитета стоит относить не всякий достаточно глобальный психологический процесс, даже если он и имеет национальную специфику. Например, воля, внимание и др. наверняка имеют некоторые особенности у разных народов (хотя результаты соответствующих психологических исследований неполны и довольно противоречивы). Однако, во-первых, подобные различия между народами менее выражены, нежели личностные, возрастные и прочие различия между представителями одних и тех же народов. Во-вторых, эти различия могут выражать самые разные факторы, среди которых фак-

торы, формирующие особенности национального менталитета – исторические, геополитические и др., – занимают далеко не самое заметное место и, соответственно, такие различия трудно считать выражающими особенности *собственно менталитета*¹⁵.

Эти особенности проявляются во многих элементах национальной культуры, имеющих ярко выраженную психологическую специфику, например, в праздниках [8]. Однако подобные элементы содержат в себе практически все описанные базовые компоненты национального менталитета, пронизывая их “по горизонтали”, и, имея свою “синтетическую” специфику, они все же, в основном, исчерпываются ими.

В дополнение к обсужденным в тексте предпосылкам систематизации менталитета можно сформулировать также ряд общих утверждений относительно этого понятия.

1. Любая нация формируется в уникальных именно для нее условиях – географических, климатических, исторических, экономических, социально-политических и др., которые неизбежно влияют на ее психологию. Поэтому любой народ имеет свой, специфический именно для него менталитет.

2. Чем в более сходных условиях формируется психология наций, тем ближе их менталитеты. Соответственно, чем уникальнее эти условия, тем более специфический характер имеет и национальный менталитет.

3. Факторы, оказывающие влияние на национальную психологию, действуют *постоянно*, эта психология находится под их перманентным воздействием, к тому же к одним факторам регулярно добавляются другие, в результате чего национальные менталитеты находятся в постоянном изменении и никогда не носят “законченного” характера.

4. Вместе с тем одни компоненты национальных менталитетов носят более изменчивый характер, чем другие, и в любом постоянно изменяющемся менталитете существует относительно стабильное ядро.

5. Общие характеристики национального менталитета всегда накладываются на психологические особенности различных этнических, социальных и прочих групп, а также конкретных личностей. В результате в любом обществе на

¹⁴ То есть физической дистанции между людьми, которую они соблюдают при общении.

¹⁵ Из чего, видимо, следует целесообразность различения особенностей народов, релевантных и иррелевантных (или мало релевантных) их менталитету.

фоне базового существует и ряд более частных типов менталитета, а характеристики базового менталитета всегда представлены в преломлении групповыми и личностными особенностями.

6. Подобные обстоятельства не “размывают” общее понятие менталитета, но делают его, подобно ключевым понятиям, например, физической науки, достаточно релятивным и требующим рассмотрения в системе других, дополняющих его понятий.

7. Представленная в этой статье рабочая схема анализа менталитета, естественно, не носит сколько-либо законченного характера. Возможно как ее расширение – включение в нее других базовых составляющих менталитета, так и укрупнение – объединение этих составляющих в более общие блоки.

8. Наиболее очевидными шагами дальнейшего анализа проблемы представляются: а) уточнение и “оптимизация” базовой схемы менталитета, б) разработка на ее основе типовой *структуры* менталитета, предполагающей обозначение взаимоотношений между ее элементами, в) описание периферической части этой структуры, надстраиваемой над ее ядерной частью, г) разработка операциональных схем анализа менталитетов, способной интегрировать их эмпирические исследования, д) структурирование различных видов менталитета как “наверху” – на уровне национального менталитета, так и “внизу” – на уровне базовых, модальных личностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1997. С. 7–37.
2. Акопов Г.В., Рулина Т.К., Привалова В.М. Менталистика как историко-психологическое направление науки // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 453–455.
3. Артемьева Т.И. Проблема менталитета русского народа в трудах И.А. Сикорского // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 298–305.
4. Ахмарова Г.С. Истоки формирования купеческой ментальности // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 459–461.
5. Бердяев Н.А. Душа России // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 295–312.
6. Буянова Ю.В. История исследования понятия “менталитет” в зарубежной психологии // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006. С. 168–171.
7. Верч Дж. Коллективная память // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 33–46.
8. Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология и праздник. М.: PerSe, 2003.
9. Вундт В. Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М., 1998.
10. Вьяльцев С.В. Национальный менталитет как предмет этнопсихологического исследования // Объединенный научный журнал. 2004. № 4. С. 21–22.
11. Гостев А.А. Проблема российского менталитета в свете отечественной православно-христианской традиции // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2010. С. 22–32.
12. Гусельцева М.С., Кончаловская М.М., Марцинковская Т.Д., Уварина Е.Ю. Структура и содержание идентичности российской интеллигенции. М.: Нестор-История, 2012.
13. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье, 1998.
14. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
15. Доклад о развитии человека 2007/2008. Опубликовано для Программы развития ООН (ПРООН) / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2007.
16. Дубов И.Г. Феномен менталитета: психологический анализ // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20–29.
17. Емельянова Т.П. Коллективная память с позиций конструкционизма // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.Н. Корж. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 17–32.
18. Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов. 2-е изд. Гомель, 2005.
19. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. СПб., 2002.

20. *Лурье С.В.* Метаморфозы традиционного сознания, Опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала, СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994.
21. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект Пресс, 1997.
22. *Малафеева С.Л.* Влияние памятников истории и культуры на формирование исторического сознания и патриотических чувств личности (на примере дворцово-парковых ансамблей России) // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010. С. 555–561.
23. *Насиновская Е.Е.* Возрождение характерологии // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 1. С. 180–182.
24. Национальная идея России / Под ред. С.С. Сулакшина. Т. 1. М.: Научный эксперт, 2012.
25. *Родштейн М.Н.* Становление гендерной психологии: парадигма ментальностей // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006. С. 268–271.
26. Российская ментальность: Материалы круглого стола // Вопросы философии. 1994. № 1. С. 25–53.
27. *Семенов В.Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2007.
28. *Сикорский Б.Ф.* Н.А. Бердяев о роли национального характера в судьбах России // Социально-политический журнал. 1993. № 9–10. С. 101–110.
29. *Сикорский И.А.* Русские и украинцы. Киев, 1913.
30. *Синякина Е.Г.* Психолого-историческая реконструкция психологических характеристик русского крестьянства дореволюционного периода // История отечественной и мировой психологической мысли: Ценить прошлое, любить настоящее, верить в будущее. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2010. С. 593–604.
31. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. Учебник для высших учебных заведений. М.: Академический проект, 1999.
32. *Тимофеева Е.А.* Национальный менталитет и этническая самоидентификация // История отечественной и мировой психологической мысли: Постигая прошлое, понимать настоящее и предвидеть будущее. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006. С. 554–557.
33. *Усенко О.Г.* К определению понятия менталитет // Русская история: Проблемы менталитета. М., 1994.
34. *Шкуратов В.А.* Историческая психология. М.: Смысл, 1997.
35. *Assman J.* Moses the Egyptian: The memory of Egypt in Western monotheism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997.
36. *DeCastro Aguirre C.* Esteriotipos de nacionalidad en un grupo latinoamericano // Revista de psicologia general y aplicada. 1967. V. 34. P. 391–401.
37. *Halbwachs M.* La memoire collective. Paris, 1950.

TO THE PROBLEM OF BASIC COMPONENTS OF NATIONAL MENTALITY

A. V. Yurevich

*Corresponding Member of RAS, Sc.D. (psychology), professor, deputy director,
Federal State-financed Establishment of Science, Institute of Psychology RAS, Moscow*

The notion of mentality as one of the most popular in modern Russian psychology is examined: its evolution, interpretation, main peculiarities, correlation with similar terms. The attempt to assign the basic components on mentality to which the author attributes: collective – memory, feelings, emotions and moods, norms, values, attitudes – as well as social representations; language; culture mental representations; style of thinking and social perception; behavioral patterns; national identity is undertaken.

Key words: national mentality, mentality, basic components, structure, national psychology, basic (modal) personality, unconsciousness.